

Интервью мэра города Футаба префектуры Фукусима Кацутака Идогава (Katsutaka Idogawa) японским журналистам.

АЭС Фукусима-1, на которой 11 марта 2011 года началась крупнейшая в XXI веке радиационная катастрофа, расположена в уезде Футаба префектуры Фукусима, примерно в 5 километрах от города Футаба. Жители Футабы пострадали и от цунами и от радиационной аварии.

Вопрос: Каждый муниципалитет должен был принимать тяжёлые решения во время землетрясения. Эти решения оказались значимыми уроками для будущих государственных служащих. В случае ядерной опасности, Информационный центр [здесь и далее - Центр информации и оповещения о радиационных авариях, примечание переводчика] должен функционировать, как основа для обмена информацией с правительством. Но этого не случилось. Город Мацуе в префектуре Шимане находится в 20 км радиусе от атомной станции Шимане. Сотрудники Мацуе сейчас очень озабочены планированием чрезвычайных мероприятий, так что Ваш вклад чрезвычайно важен для нас.

(3:10) - Полноценный план [действий при аварии на АЭС] был бы невозможен.

Говоря о процентах, мы должны были понимать, насколько мы готовы. Я никогда об этом раньше не упоминал. Некоторые готовы на 50%, другие на 150%. Мы должны рассматривать как хорошо мы готовы. Даже есть люди, которые готовы на 0%, потому что они верят правительству и ТЕПКО [оператор АЭС Фукусима-1 Tokyo Electric Power Company, TEPCO]. Лично я думаю, что мы должны всегда быть готовы на 200 %, но дискуссии никогда не приводят к конкретным результатам.

Как мэр города, я не был на самом деле настолько готов. Это потому, что город Футаба имел финансовые проблемы. Другие города часто говорят, что городу Футаба предоставляется множество субсидий. Те, кто не знает нашей настоящей ситуации дразнят нас, говоря, что нам платили за продвижение ядерной энергетики, и сейчас мы играем роль жертв. Может быть они видели сообщения СМИ. Но мы не были полностью готовы к этому бедствию и ничего для этого не делали. Когда люди из агентства по ядерной и промышленной безопасности или из ТЕПКО посещали нас, я спрашивал их о ядерной безопасности. Они всегда говорили, что это абсолютно безопасно и нет причин для беспокойства.

Тем не менее, у меня были сомнения. Что если что-то не то случится? Я был обеспокоен, потому что я не прошел достаточной технической подготовки. Я не бывал внутри АЭС, но я так чувствовал. Я всегда просил ТЕПКО, чтобы меня соответственно подготовили в техническом плане.

Часто сотрудники АЭС часто бездумно следуют обширным инструкциям. Технические детали часто опускаются, поэтому знания сотрудников ограничены. Люди должны быть на месте, чтобы полностью понять ситуацию. Сотрудники просто следуют инструкциям и не получают нужной квалификации. Это меня пугает. Они пытались успокоить меня, но я не купился на это. Квалификация была недостаточна. СМИ сообщали, что сотрудники АЭС не знали что делать, и это правда. И поэтому я сожалею, что я не был лучше подготовлен.

Вопрос: Я думаю, что Вы пережили тяжелые времена с момента катастрофы. Я уверен, Вы должны были принять много тяжелых решений. Пожалуйста, поделитесь с нами Вашей историей. Сначала расскажите, где Вас застало землетрясение 11 марта?

Я был вне города по дороге домой на моей машине. Я только начал ехать, когда это началось. Я думаю, что проехал всего 30 метров и должен был остановиться. Машина почти подпрыгивала на дороге. Держась за руль, я понял, что что-то ужасное случится. Я молился, чтобы землетрясение закончилось быстро. Я думал об АЭС. Я знал, что такая сильная встряска обязательно ее повредит. Потом толчки прекратились. Я поторопился в офис города

Футабы, но попал в пробку и поэтому съехал с дороги, которой я обычно пользуюсь и поехал по другой дороге вдоль берега. Моя навигационная система выдала предупреждение «большое цунами». Однако, моя навигационная система часто выдавала подобные предупреждения, после других землетрясений. Эти «большие цунами» никогда раньше не были выше 60 см. В этот раз, однако, цунами было гигантским. Метеорологическое агентство должно быть аккуратнее при использовании этого термина. Они не думают о нас. Они никогда не говорили как велико будет цунами и не говорили о необходимости искать убежище.

Это было обычное предупреждение, поэтому я продолжил ехать вдоль берега. Если бы я опоздал на 10 минут, я бы с вами не разговаривал. Мост, дорога, здание - все было смыто. Некоторые люди потеряли свои жизни, и я проезжал ровно там. Правительство не в состоянии управлять кризисом, и оно не думает о людях. Они могли спасти больше жизней, если бы они сообщили нам ожидаемую высоту цунами. Если бы только они нас предупредили, что нужно искать убежище любой ценой. Метеорологическое агентство должно взять ответственность за недостаточную гибкость, которая привела к этим смертям. Примерно через 20 минут после землетрясения я уже был в городском офисе. Я зашел, огляделся, пробежал от первого до 4 этажа. Когда я посмотрел в окно, там было то, чего я никогда не видел раньше. Волны смели две деревни. Куски деревьев плавали вокруг в примерно 400 или 500 метрах от городского офиса. Как я могу это объяснить...

То, что должно было находиться здесь, не было на месте. Все было залито морской водой. Это было ужасающе. Сколько жертв было там? Я не мог помочь им. Я только смотрел, ощущая беспомощность.

Иногда мы обсуждали меры против цунами с властями префектуры. Я всегда делился моей озабоченностью насчет ожидаемого ущерба. Например, прорыва дамбы. Правила речной и береговой администрации различны. Уровень речной плотины низок, а морская дамба высока. Цунами затопило дамбу и уровень плотины был не важен, но мы должны принять меры, чтобы прошлые ошибки не повторились. Относительно центрального правительства, это не вопрос бюджета, влияющего на высоту дамбы или другие меры, поскольку нам нужны практические меры. Даже супердамба где-то была полностью смыта.

Единственным способом выжить было убежать. Нам нужны дороги или лестницы, чтобы бы могли подняться в гору. Эти меры необходимы.

Видя необычный сценарий, я знал, что существует реальная опасность. Поэтому я немедленно созвал встречу рабочей группы для обсуждения того, где мы должны собрать эвакуируемых этой ночью, и какие меры должны быть предприняты. Встреча продолжалась около часа. Затем я должен был проверить местность и предпринять необходимые меры по организации снабжения. Для этого потребовалось какое-то время. Затем, когда стало темнеть, я провел еще одно совещание для распределения ролей для каждого городского сотрудника. После встречи, я вышел и попросил людей организовать их собственное водоснабжение. Но они не могли сделать этого. Я говорю о питьевой воде. Я дал инструкции, но дороги были слишком разрушены. Потом я посетил школы и общественные центры, где скрывались жители.

Пришел приказ об эвакуации передвинуться на 3 или 4 км. Жители двух районов уехали в городской зал, располагавшийся дальше. Когда я туда приехал, они уже прибыли. Затем я поехал обратно и прилип к телевизору. Я был на ногах всю ночь, проводя другие совещания.

На следующее утро правительство выпустило приказ об эвакуации. Я думаю, кто-то сказал мне, что жители Футабы должны эвакуироваться в город Кавамата [в префектуре Фукусима, примерно в 60 километрах от города Футаба]. Утром 12го, я позвонил мэру Каваматы, чтобы получить его подтверждение. Я использовал систему общественного оповещения, чтобы побудить людей эвакуироваться. Автобусы были посланы в город Окума, но там для нас

не было ничего ничего подготовлено. Поэтому я попросил каждого ехать на собственной машине и искать убежище как можно быстрее. Мы использовали систему общественного оповещения, пока мы не покинули городской офис. Городские сотрудники помогали, но я сказал им, чтобы они уезжали вместе с жителями. Когда жители приходили в городской офис, городской сотрудник сопровождал их в убежище.

Я попросил сотрудника ТЕПКО использовать систему, чтобы сказать жителям искать убежище. Пришёл кто-то из управления полиции. Силы Самообороны [официальное наименование вооружённых сил Японии] тоже пришли. Еще много людей оставалось в госпитале, в совете социального обеспечения и в доме престарелых. Поэтому я организовал автобусы, я направлял людей в эвакуацию, думая, что это гонка со временем.

Потом произошел взрыв на первом реакторе. Было слишком поздно. Я чувствовал беспомощность.

Погода в тот день, 12 марта, была летнего типа давления. Поэтому ветер дул по кругу весь день. Обычно, он дует с юго-востока между полуднем и тремя часами дня. Это то, что показала наша система предсказания радиации. Мы были на пути ветра. Я проверил направление ветра, посмотрев на флаг городского офиса. Около полудня, ветер начал дуть так, как было не очень хорошо. В то время как ветер дул таким образом, дозиметр за окном показывал высокий уровень радиации. Реактор выбрасывал радиацию, но мы не были проинформированы. Позже я слышал, что и ТЕПКО, и правительство знали точное время расплавления реактора. Они ничего нам не сказали. К тому времени, как я покинул городской офис, город почти опустынен. Я решил, что время уезжать, потому что я видел уровень радиации своими глазами. Я объехал три объекта с дозиметром, и пока я, управляя автобусом, призывал людей со всей своей силой, случился взрыв.

Вскоре после этого что-то начало падать с неба. Я думаю, это изоляция из АЭС. Большие и маленькие куски начали падать. Это было очень жутко. Предметы падают с неба без предупреждения.

Тяжёлые осколки и цемент, скорее всего, упали рядом с АЭС. Поэтому осколки, которые падали здесь, были легкими материалами, такие как куски изоляции. Это следовало бы сфотографировать. Я никогда этого не забуду. В это время, на мне уже была защитная одежда, но у меня не было защитной маски, поскольку кто-то из сотрудников взял их, хотя им это было и не надо. Итак на мне были рабочие перчатки и обычная маска. Я думаю, она была бесполезна. Вскоре после у меня появился кашель. Когда осколки падали, я сказал людям вернуться обратно в здание. Они оставались в помещении, пока не перестали падать большие осколки.

К тому времени времени уровень радиации был столь высок, что дозиметр зашкаливал. Я должен был его перенастроить, чтобы увидеть сколь высоки уровни радиации.

Спустя некоторое время эвакуация продолжилась. Люди садились в автобусы или в машины Сил самообороны. Мы даже использовали муниципальные машины и автобусы. Образовались пробки, и мы сами не зная того, двигались по ветру. Как последний, кто уезжал, я поехал другой дорогой, потому что я знал о пробках. Когда я уехал, город был почти пустынным.

Я эвакуировался, чувствуя себя опустошенным. Солнце все еще светило. К счастью, я не попал в пробку, я ехал узкими дорогами в город Кавамата и было темно, когда я приехал. Я думаю, я приехал около 7 вечера. Нам говорили: «Вы из Футабы? - Езжайте туда». Я думаю мы дважды переезжали, перед тем, как осесть. В этот день в зданиях не было электричества и воды из-за землетрясения. Но несмотря на очень холодную погоду, мэр Каваматы обеспечил воду и подключение к электричеству. Я никогда не забуду этот акт доброты.

Ночью 12го около 3х тысяч жителей Футабы оставались в Кавамате. Мы там пробыли до 19го. Мы были уставшими, но мы были благодарны получить немного риса. Мы могли

использовать обогреватели, поскольку было электричество. У нас была вода, я успокоился.

Начиная с 13го, мы начали жить, как эвакуированные, жизнью которую мы никогда себе не представляли. Было много проблем, таких как температура или недостаток еды. Мои сотрудники работали круглые сутки почти каждый день. Я тоже оставался на ногах несколько ночей подряд, потому что я должен был смотреть телевизор.

Я прилип к телевизору, наблюдая за реакторами 2,3 и 4. Что если станет хуже? Я не мог спать. Пока городские сотрудники работали с населением, я коммуницировал с окружающим миром. И беспокоился о будущем.

Дозиметр был за окном. Вскоре после взрыва 3го реактора, дозиметр снова зашкалило. Радиация достигла города Кавамата. Позже оказалось, что мы получили очень большое количество радиации.

Вопрос: я бы хотел задать еще несколько вопросов. Правительство сообщало вам данные, например, об ожидаемом уровне радиации?

Правительство нам ничего не сообщало. Некоторые вещи доходили, но в основном информацию мы получали из газет и от телевидения. Во второй половине или в конце года они начали посылать какие-то печатные материалы. Мы получили приказ об эвакуации от премьер-министра Кана в 5.44 утра 12го. Но ничего о том, куда и как эвакуироваться.

Вопрос: Просто уезжать?

Да, уезжать. На определенное расстояние от АЭС. Остальное должны были решить мы сами. Когда правительственные чиновники пришли, я спросил, что они намерены делать. Обсуждали ли они этот вопрос? Не имею понятия.

Как на счет Информационного центра и префектуры?

(Зажмурился и скривился.) Мы получали некоторые инструкции, когда я еще был в офисе Футабы, но коммуникационные линии были разрушены. Мобильные телефоны также не работали. Я уверен, что у них были проблемы, они не могли нам дозвониться. Не зная что делать, я думаю, они были в состоянии паники.

Я не мог себе позволить паниковать. Я должен был оставаться концентрированным и вести людей. Как можно это сказать, я сделал многое по своему усмотрению.

Я бы хотел подчеркнуть две вещи, которыми я хочу с вами поделиться. Когда вы едете на машине и ваш бак наполовину пуст, заведите себе привычку думать, что он полностью пуст. Вы можете проехать большое расстояние с полупустым баком. У многих кончался бензин и они бросали свои машины посреди дороги. Поэтому, наполняйте бак до конца, даже когда он полупустой. Потом вы поблагодарите сами себя, когда случится кризис. Это одна вещь.

Другая, это то, что подтвердить местонахождение пропавших было очень сложно. В одном из убежищ был только один телефон. Он звонил не останавливаясь, и было невозможно делать звонки. Люди звонили со всей Японии. Самый худший вопрос был: «Я не знаю как его зовут, но он здесь?». Вот что я хочу сказать всем гражданам Японии: оперативной группе нужен был телефон, чтобы обсуждать ситуацию. Людям следует сначала связаться со своими друзьями или знакомыми, а уже потом звонить оперативной группе. Оперативная группа должна быть их последней возможностью, потому что мы не можем управлять кризисом и благополучием эвакуированных. Поэтому я попросил людей не звонить сначала оперативной группе. Смешно, что слово быстро распространяется. Слухи распространяются как лесной пожар. Если сети могут образовываться так быстро, то люди должны их использовать чтобы найти друг друга и звонить в оперативную группу в последнюю очередь. Это не позволяло нам делать нашу работу. Это две вещи о катастрофической ситуации, к которым я прошу людей серьезно подойти.

Вопрос: Оперативная группа не могла выполнять свою работу из-за того, как

использовались телефонные линии?

Сотрудники должны были обслуживать эти звонки. У нас ограниченный персонал и все были заняты отвечая на звонки о пропавших людях. И если мы говорили, что мы не знаем, звонившие кричали на нас, говоря, что мы не исполняем наши обязанности. Это тоже было проблемой.

Вопрос: Вы говорили, что вы беспокоились об атомной станции сразу после землетрясения. Когда мы спрашивали мэров других городов, многие из них говорили, что они верили, что АЭС безопасна и что авария была неожиданностью. Почему вы считали, что АЭС в опасности? И что вас заставило постоянно проверять дозиметр?

У меня есть некоторые знания о механике, электричестве, металлах и о гражданском строительстве. Достаточно ли прочны трубы? Могут ли подвижные соединения между бетонными структурами выдержать перекося? Если нет, разрушения неизбежно, когда они двигаются при землетрясении. Даже с большими трубами, когда возникает внешнее давление и деформации, каков предел эластичности? Каков предел пластичности?

Из-за того, что я немного знал об этих вещах, я чувствовал, что предел превышен и что мы были в серьезной опасности. Я не думаю, что подвижные соединения все таковы, что это могло привести к замыканиям или разрывам и некоторое оборудование могло не работать. Металлические материалы становятся хрупкими и ломкими. Достаточно ли они устойчивы? Я знал, это может привести к проблемам. Поэтому была разница во мнениях. Без адекватной защиты, что могло случиться? Разрушающиеся трубы могли привести к утечке воды и это обязательно приводит к расплавлению реактора. Вот что я думал.

Я мог понимать показания дозиметра самостоятельно и было еще несколько вещей, которые я мог сам проверить. Наверное, моя активная позиция помогла мне.

Вопрос: Меня поразило то, как часто вы проверяли дозиметр? Вы это делали потому что правительство с вами не сотрудничало?

Когда землетрясение поразило АЭС Касивазаки-Карива в 2007 году, я отправил туда все чрезвычайные запасы, которые у нас были. Затем, налоговые реформы и сокращение бюджета привели к тому, что мы не смогли восстановить запасы. Я продолжал откладывать задачу подготовки бюджета для этого. Это было у меня в голове, я сожалею, что не сделал этого. В 2010-м налоговом году мы могли скомпоновать более гибкий бюджет на 2011-й налоговый год. Однако это было небольшим повышением. Мы формировали бюджет. И в 2012-ом налоговом году мы могли быть готовы и закупить дополнительные запасы. Очень жаль, что это случилось, когда у нас не было запасов.

Вопрос: Я хочу задать еще несколько вопросов. После всего хаоса, последовавшего за катастрофой, когда коммуникация между вами и правительством вернулась к норме?

Я не могу точно сказать, поскольку она еще далека от нормальной. Давайте посмотрим...

Возможно примерно во время, когда мы вселились во временные дома.

Вопрос: Еще пару вопросов. Я уверен, вы должны были принимать разные решения, но что по поводу применения йода?

После того, как эта идея была предложена нашим департаментом здравоохранения я дал разрешение когда бы были в Кавамате. Мы прибыли в префектуру Сатиама 19го. Значит, жители Футабы приняли йод примерно 15го.

Вопрос: Действительно ли они приняли его?

Да, Я проверял.

Вопрос: Отчеты МАГАТЭ говорят, что они не принимали йод.

Это безумие. Наиболее разочаровывающим после катастрофы было сокрытие данных системы предсказания радиации и вопросов облучения. Во время аварии, не важно были ли уровни радиации высокими или низкими, я считаю важным сам факт, что мы были облучены. Не важно время которое потребуется, чтобы убедиться, что мы повредили здоровье. Я бы хотел письменных показаний от человека, заявившего что уровень радиации безопасен. Я хочу чтобы этот человек дал письменные показания. Он должен определить свою ответственность, перед тем, как говорить о безопасных уровнях радиации. Если что-то случится, этот человек должен принять полную ответственность. Ничего подобного не существует и правительство говорит, что вы можете жить там где радиация менее 20 миллизивертов. Это то, что утверждает японская комиссия по ядерной безопасности. Я говорил премьер-министру: «Пусть ваша собственная семья живет там. А я посмотрю со стороны, и решу безопасно ли это. У вас есть дом и рабочее место. Мы все оставили. Это наша временная жизнь. Они испытывают наше терпение столь часто, но им все равно.

Они говорят, что это политика МАГАТЭ [Международное агентство по атомной энергии] или МКРЗ [Международный комитет по радиационной защите], но когда вы смотрите в интернете, уровень 100 миллизивертов не базируется не на научной теории, ни на точных подтверждениях. Это только число, которое есть в интернете. Как мы можем быть уверены? Нам нужны подтвержденные доказательства. Становится хуже. Сейчас есть заявления и даже подтверждения радиационного облучения.

Есть университетские профессора, которые гуляют по префектуре Фукусима, утверждая, что небольшие дозы радиации даже полезны для здоровья! Как можно в это поверить? Это тоже самое, если бы мы сказали, что мы в очереди на смерть. Они говорят, те из нас, кто был облучён, получили смертный приговор.

Точная информация не была раскрыта в нужное время. Я очень этим разочарован. Надо что-то делать. Это преступление. Они продолжают говорить: «это безопасно, это безопасно». Если бы были сделаны дополнительные эксперименты, подтверждающую эту «безопасность», так же как и официально признаны результаты, ситуация была другой. Но это не так. У них нет права давать нам смертный приговор. Я не нуждаюсь в их мнениях. Если они учёные, я назову их лжеучёными.

Наиболее важно сейчас делать правильные вещи, принимая здравые решения. Могут ли они на самом деле подтвердить, доказать корректность опубликованных уровней радиации? Горожане говорят, что уровни радиации намного выше, когда они их сами измеряют. Потом опять кто-то утверждает, что уровни ниже.

Вопрос: мы говорили с людьми о том факте, что ни один из Информационных центров не работал в префектурах Фукусима, Онагава и Токай. Если еще одна катастрофа случится, надеюсь, конечно, что этого не произойдет, как должны функционировать эти центры? Ваше мнение об этом.

Я всегда подвергал сомнению близость этих центров к АЭС. Те, что согласны с расположением, не понимают реальность. Они не выполняли свои исследования. В чем польза иметь центры, если они бесполезны? Я сомневаюсь, что эти решения принимались компетентными людьми. Это плохое решение.

Они используют деньги налогоплательщиков. Это главная проблема. Если они те, кто говорят, что радиация безопасна и её не следует опасаться, не стоят того, чтобы им платили. Они не стоят денег наших налогоплательщиков.

Это интервью для студентов, так? Самое важное послание, которое я хочу передать, что вы должны быть честны. чтобы вы не делали, будьте честны. Все к этому приходит.

Не скрывайте ваши ошибки или просите прощения. Правда мощна, но иногда она может

быть искажена или похоронена. Начиная с сегодняшнего дня люди должны быть простыми и искренними. Эта ядерная катастрофа доказала, как хрупка была атомная станция, и что у нас было ложное чувство безопасности. Огромное количество денег налогоплательщиков было использовано для мер безопасности на АЭС, но задача выполнялась не теми людьми. Как горожане, мы также должны быть более осторожны. Хотя, сейчас это слишком поздно.

В районах рядом с ядерными объектами люди должны обеспечить сами свою безопасность. Вместо того, чтобы оставлять это другим мы должны взять дело в наши собственные руки, используя наши собственные суждения. Если мы не понимаем, мы должны стараться понять. Однажды сделав, мы не должны делать пустую работу.

Моя ошибка была в том, что я верил их словам. Я обычно верю людям, но в этот раз они подвели меня. Я был предан. Я верил, что многие люди в ядерном сообществе также ответственны. Оказалось, безопасность - это просто слово на бумаге. В действительности, это не было безопасным. Теория распалась на куски в конце концов.

Я продолжал просить ТЕРМО не экономить на безопасности. Я говорил, что АЭС опасны и они могут выйти из-под контроля. Но компания оказалась скупой. Они сэкономили немного и сделали большую ошибку. Если бы они немного сэкономили и сделали маленькую ошибку, было бы не так плохо. Но ошибка была велика и потери значительны. Они знали о возможности землетрясения и цунами в этом районе. Мы не знали что могло случиться. Но ТЕРМО знало, поэтому они должны были предпринять меры. Если у вас есть знания, вы не должны идти на компромиссы или стараться одурачить других. Будьте честны.